

оригинальная статья

Образно-метафорический слой макроконцепта *род* (на материале паремий тематической группы *род – племя*)

Вайрах Юлия Викторовна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

vayrakh@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022. Принята после рецензирования 12.10.2022. Принята в печать 30.11.2022.

Аннотация: Макроконцепт *род* встраивается во многие концепты русской культуры, прямо или косвенно указывая на общие ментальные семы. Признаки, положенные в основу мотивации макроконцепта, рассмотрены на материале пословично-поговорочного комплекса, содержащего национально-культурный слой образной трансформации макроконцепта. Цель – описать символические признаки образности макроконцепта *род*. Задачи: 1) выделить корпус паремийных единиц для анализа структур макроконцепта *род*; 2) определить его символические признаки. Методы: метод анализа словарных дефиниций, дескриптивный, интерпретативный. Актуальность исследования заключается в том, что символический макроконцепт *род* не подвергался всестороннему анализу и требует детального описания символических признаков. Научная новизна – в привлечении ранее не исследованного материала пословиц и поговорок, представленных в словаре В. И. Даля, репрезентирующих когнитивные структуры макроконцепта *род* посредством выделения признаков происхождения, наследственности, принадлежности к роду как к общности людей постоянными отличительными признаками. Макроконцепт *род* проанализирован через образное сопоставление образов-субъектов: человека (отец, мать, дети), религиозных символов (бог), животных, символических природных объектов, сказочных персонажей (дурак), обозначений частей тела человека (ладонь, кулак). Доказательная база исследования позволила выделить группу *род – племя* с тремя мотивирующими признаками: наследственность, природа человека и социальная характеристика. Осмысление народным коллективным сознанием значения макроконцепта *род* обнаруживает связь мотивирующих признаков, актуализирующих смыслы родного места, родного пространства, принадлежности к роду, семье, племени, народу, поколению; внутрисемейные, внутриродовые взаимоотношения; правила, обычаи, традиции рода; отношение к родине, отчизне; отношение к вере, богу, силам рода; воинской общности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, макроконцепт, род, паремии, образность, племя

Цитирование: Вайрах Ю. В. Образно-метафорический слой макроконцепта *род* (на материале паремий тематической группы *род – племя*). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 678–685. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685>

full article

Macro-Concept of *Kin* in Proverbs about *Kin* and *Tribe*: Figurative-Metaphorical Layer

Yuliya V. Vayrakh

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

vayrakh@yandex.ru

Received 10 Aug 2022. Accepted after peer review 12 Oct 2022. Accepted for publication 30 Nov 2022.

Abstract: The article features the macro-concept of *kin* and its symbolic signs. The idea of *kin* is embedded in many concepts of Russian culture, directly or indirectly indicating the mental schemes they have in common. However, the macro-concept of *kin* has received no comprehensive analysis of its associative-figurative layer. The author described the signs behind the motivation of the macro-concept *kin* using the proverbs from V. I. Dahl's dictionary that contain the national-cultural layer of its figurative transformation. The methodology involved an analysis of dictionary definitions, as well as descriptive and interpretive methods. The proverbs described the idea of *kin* by highlighting such signs as origin, heredity, and kinship as belonging to a community of people with some permanent and distinctive features. The analysis revealed a group of proverbs about *kin* and *tribe* with three motivating features: heredity, human nature, and social characteristics. The macro-concept

of *kin* was described through a figurative comparison of images: a person (father, mother, children), religious symbols (god), animals, symbols of nature, fairy-tale characters (fool), parts of body (palm, fist). In the national collective consciousness, the macro-concept obtained various motivating signs that actualize the following schemes: native place, native environment, kinship, family, tribe, people, generation; intra-family or intra-tribal relationships; rules, customs, traditions of the kin; attitude to the motherland; attitude to faith, God, the power of kin; military community.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic culturology, macro-concept, kin, proverbs, figurativeness, tribe

Citation: Vayrakh Yu. V. Macro-Concept of *Kin* in Proverbs about *Kin* and *Tribe*: Figurative-Metaphorical Layer. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 678–685. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685>

Введение

В русской культуре макроконцепт *род* конструирует смыслы и устанавливает связи внутри концептов родства, а вне этого коррелирует со значениями других концептов: родины, бога, человека, семьи, судьбы. Его происхождение имеет давнюю историю, потому что с течением времени произошло национально-культурное отождествление человека и своего рода, племени, человека и родного пространства, человека и Бога, человека и судьбы, пути. Макроконцепт *род* связан с традиционными представлениями о прошлом, предках, поколении, семье и в целом с концептами родства, имеющими сложную систему родственных связей в лингвокультурном пространстве.

К интерпретации понятия *род* в разное время обращались В. О. Ключевский, В. Соловьев, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, А. Вежицкая, М. В. Пименова и др. Работа В. В. Колесова «Человек в культуре Древней Руси» 1986 г. и в ее переиздании «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» 2000 г. наиболее близки целям нашего исследования, т. к. рассматривают понятие *род* в контексте приращенных смыслов с течением времени, с изменением восприятия человека и его социальных условий. Ценным для целей нашего исследования является понимание В. В. Колесова: род как племя, свое, близкое, кровное. На материале древнерусских текстов ученый проследил изменения в восприятии понятия *род*: сначала оно трактовалось как родичи, кровные родственники, племя, затем значение расширилось до понимания рода как воинского единства, позднее появилось приращение смысла – родина, родное пространство, природа. Род именует людей, близких по крови. В русской культуре сохранились сведения, что славянского бога называли именем *Род*. Племя россов проживало в городе Родень (Родня). В. В. Колесов утверждает мысль о неравноценности значений понятия *род* в древности и сейчас: «Момент, когда понятие *род* воспринимается как движение во времени (возобновление рода), является важной точкой отсчета в новой славянской культуре» [1, с. 28]. Ученый считает, что род соотносится с источником жизни (родник), местом происхождения (родина), родственными связями (родные) и приметами родства (родинка); совокупность живущих на одной территории (народ) в определенной

природной среде (природа) может отвергнуть уroda (не в состоянии продолжить род) и отродье (нарушает его принципы). Древнеславянское представление о Роде сводится к пониманию общности предков и потомков (*моего роду племени*), поскольку предки порождают потомков (в значении *потом*) – *род в род идет*; в языческой культуре подробно описаны символы рода и их основа – род [2, с. 12].

Основным термином в нашем исследовании является *макроконцепт*. «Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [3, с. 38]. К существенным отличиям макроконцепта относятся: 1) набор и количество признаков, характеризующих структуры; 2) акцентированность внимания на отдельных когнитивных признаках и / или их группах; 3) отображение комплекса когнитивных признаков в структурах концептов, относящихся к сфере определенного макроконцепта [4, с. 92]. Символические концепты и макроконцепты описаны М. В. Пименовой: «есть концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т. е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [5, с. 131]. Под символическим макроконцептом понимается «ментальное образование, у которого первопризнак (*conceptum*) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определенный символ лингвокультуры» [6, с. 93].

Глубинность ментальных смыслов, символичности макроконцепта *род* в русской лингвокультуре во многом определяет обращение к паремийному фонду как хранилищу народной мудрости, в которой воплощается мифологическая, символическая образность макроконцепта *род*. Пословицы и поговорки отражают народное сознание и сохраняют ментальные смыслы. В исследовании используется термин *паремии*, под которыми понимаются «особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают информацию, мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами» [7, с. 79]. Основным источником паремий для анализа макроконцепта *род* послужил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»¹.

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. [4]+XL+1096+6 с. URL: <https://dslov.ru/txt/t81.htm> (дата обращения: 02.07.2022).

Образное сопоставление субъектов в структуре макроконцепта *род*

Паремии указывают на значение принадлежности к роду как общности людей, имеющих общие отличительные природные свойства. В паремиях *род* – *племя* раскрываются различные значения: человек обладает отличительными чертами мамы, папы, бабушки, дедушки, либо в нем проявились редкие качества представителей предыдущих поколений, которые передаются по наследству, генетическая память рода, либо гениальные творческие способности, дар от Бога.

Являясь многослойными национально-культурными текстами, паремии содержат метафорические отсылки к онтологическим представлениям о мироустройстве. Паремийные тексты метафорически дополняют значение макроконцепта *род* через сопоставление образов-субъектов: человека (отец, мать, дети), религиозных символов (бог), птиц и животных (орел, сокол, сокола, гусь, сова, курица, медведь, осел, овца, козел, корова, свинья, волк, лиса, бобр, жеребенок, лошак и др.), символических природных объектов (яблоко, озеро, река), сказочных персонажей, традиционных для русской культурной традиции (дурак), обозначений частей тела человека (ладонь, кулак). Образные признаки актуализируются посредством метафор. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора – это «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [8, с. 29].

Признак наследственности в паремийных текстах описывается через образы родителей и актуализируется ситуацией *от подобно подобно*. Паремии в словаре В. И. Даля выражают когнитивный признак, например: *Кто от кого, тот и в того. Что род, то и племя. Каков род, таков и приплод. Род в род идет*. В. В. Виноградов приводит определение племени (через отсылку к словарю И. С. Срезневского²): «Племя в древнерусском языке обозначало и "потомство" (без плема – "бездетный"), и "род", и "семью", и "родню, родственников", и "совокупность родов, народ"»³. Многозначность слова и воссоздаваемый в языковой картине мира образ племени связан с этничностью, самоопределением народа как общности. Современный словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает определение слова *племя*: «1. Этническая и социальная общность людей, связанных родовыми отношениями, территорией, культурой, языком и самоназванием. Первобытные племена. Союз племен. Кочевые племена. 2. перен. Народ, народность. 3. Люди, поколение людей. *плем'я*: на ~ (спец. и обл.) для получения приплода, потомства»⁴.

Сохраняются значения общности, племени, следовательно, образность паремии включает и образы народа, народности, кочевника, поколения, семьи, приплода в животном мире.

Образ отца в паремиях, отражающих значения макроконцепта *род*, наиболее репрезентативен: *Родила молодца, такого, как отца. Дети похожи на отца. Каков отец, таков и сын. Каков отец, таковы и дети. По отцу и дитяtko. Какой отец, такой и молодец. Один отец один и норовец (характер, совокупность душевных качеств). Отец рыбак – и дети в воду смотрят. Какое дерево, таков и клин; каков батько, таков и сын. Одного завода, такова и порода. Клеймо мастера скажет*. В паремиях отражены пары: отец – сын; отец – дети; отец – мать. В древнерусском языке слово *отец* употребляется с XI в., фактически являясь одним из самых древних слов в русской лингвокультуре. Отец – создатель семьи. В словаре В. И. Даля «отец – м. у кого есть дети; родитель, тятя, тятенька, батюшка, батя, батька, папа, папаша, папенька, папочка, атя»⁵.

Т. Г. Бочина отмечает, что «названия частей тела и внутренних органов формируют в народных изречениях соматический код культуры, в котором тело человека является не только пространственным ориентиром, но и мерилом "всех вещей": объектов, качеств, явлений, ситуаций и т. д.» [9, с. 43]. Соматический (телесный) код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости в любой культурно-национальной картине мира. Образ кулака реализуется в паремии *Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь*. Этот образ характеризует сильного представителя рода, и его рука двигается, действует, держит и контролирует, реагирует на психоэмоциональные состояния, ее можно обездвигать, лишит свободы [10, с. 72]. В эзотерическом плане рука олицетворяет божественный акт творения, связь с прошлым, защиту, верность, борьбу, опору, помощь, дружбу. Кулак символически выражает значение защиты рода от врагов, от внешних угроз, от вымирания.

Образ матери символизирует жизнь, рождение, продолжение рода, плодородие. Слово *мать* произошло от древнерусского слова *мати*. В праславянском языке было слово *матка*, которое впоследствии получило значение *самка* (ср. пчелиная матка). Матушкой называли жену священника, слово использовалось и в имени Божьей Матери. В паремиях сохраняются культурные смыслы, в том числе мотив деторождения: *Если плод на правой стороне, если мать сидит протягивает правую ногу, коли ест хорошо всякую пищу – родится мальчик; если же охотно слушает песни, выставляет левую ногу, плод о левом боку и причуд много – девочка*. Ребенок с момента рождения получал знание о роде, родовом этикете,

² Племя. Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. II: Л–П. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. С. 959–960.

³ Племянник. Виноградов В. В. *История слов*. М.: Толк, 1994. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/171> (дата обращения: 02.07.2022).

⁴ Племя. *Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И.* URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/п/племя> (дата обращения: 02.07.2022).

⁵ Отец. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2: И–О. СПб.-М.: Т-во М. О. Вольф, 1905. Стб. 1878.

истории рода из колыбельных матери, пожеланий родственников, семейного фольклора: *Счастливая дочь – в отца, а сын – в мать. Кто девушку хвалит? Отец да мать. Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка*. Культ богини Матери представлен мифами многих народов. В древней истории сохранились имена богинь, что суть единой Богини Матери: «шумеро-аккадская Тиамат, египетская Исида, греческая Гея, каппадокийская Ма, хеттская Хебат, хананская Анат, каркемишская Кубаба и др. – во множестве культур» [11, с. 277]. Для многих символическое изображение богини связано с архетипичными представлениями о трех мирах: верхнем, среднем и нижнем (это представление есть во многих мифах у славян). Богиня Мать олицетворяла циклы природы, плодородие, вечную жизнь, возрождение. Символ луны и фаз луны воплощался в понимании временных циклов жизни богини Матери: девушка – женщина – старуха (прародительница рода). В паремии *Мать праведна – ограда каменна* отображается понимание безусловной материнской любви, которая дает ребенку чувство защищенности от внешних угроз. В общении с родителями появляется доверие к людям и окружающему миру. Мать воспитывает в ребенке чувство уважения к роду, знакомит с представителями рода, историей. Женщина-мать олицетворяет собой нравственность и культуру рода, традиции, обычаи и ценную информацию рода, историческую основу. Женское начало метафорично представлено как космос.

В почитании бога Отца и богини Матери заключена трансформация знаний о роде, прародителях, их месте в сложной системе взаимоотношений человека и рода, взаимодействующего с миром, космосом. Образы матери и отца символически связаны и с образом дома, т.е. «пространства, противопоставленного чужому миру и доступного только своим. Дом является исходной точкой семейной общности и основой человеческого благополучия» [12, с. 106].

Слово *мачеха* образовано от слова *мать*, вероятно, исходной формой было слово *mātrjēsī (сестра матери, дословно – подобие матери). Паремия *Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет* представляет образ мачехи, равнодушной к ребенку. Формирование мотива *мачеха – падчерица* «связано с периодом разложения патриархальной общины и образованием моногамной семьи» [13, с. 84]. Возникновение взаимоотношений между мачехой и осиротевшими детьми зависело от материального положения и отношений с отцом.

У В. И. Даля в паремиях встречается указание на социальное происхождение человека: *Неродословному с родословным не местничать* (не считаться). *Миряне – родом дворяне: луковки во щах нет, а пуговка светленькая. Род службе не помеха* (о местничестве). Принадлежность к роду определяла статус человека. Из поколения в поколение передавалось знание об истории рода, славных делах предков. Знатный род относился с почтением к родословной, тогда

как неродословному было труднее изменить отношение к себе. Паремия *Неродословному с родословным не местничать* носит предписывающе-утвердительный характер, потому что происхождение неродословного никогда не позволит влиять на решения представителей знатного рода.

Понятие наследственности членов рода могло быть связано и с тем, что в роду есть человек, которого стыдятся: *Дурак не дурак, а с роду так. Не дурак, а родом так. Сын дураков уж с роду таков. Родился неумным, и умрешь дураком. И такой родится, что ни дома, ни в людях не годится. Дураки да нищие не родом ведутся, а кому бог даст*. В словаре В. И. Даля *дурак* – «глупый человек, тупица, непонятливый, безрассудный; малоумный, безумный, юродивый; шут, промышлявший дурью, шутовством»⁶. Дурак действует вопреки законам рода, а его поведение разрушает социальную систему. Образ появляется в сказочных сюжетах. Дурак обладает недюжинной силой и с легкостью воплощает замыслы, при этом остается собой, чем раздражает представителей рода: старших братьев или отца семейства, которые видят в его поступках проявление глупости. Неожиданное счастье находит дурака, т.к. человеческому, доброму и отзывчивому герою в сказочной реальности помогают темные силы. Его оберегает природа (среда обитания рода), наделяя положительными качествами и помогая преодолеть жизненные препятствия. Народ любит ироничный образ дурака, который побеждает сильных, хитрых, коварных, злых людей благодаря смекалке и простоте. Живой сказочный образ существует благодаря тому, что каждый человек искренне жалеет дурака, сострадает ему, в чем проявляется духовность рода, мудрость, нравственность.

Орнитологические символы макроконцепта *род*

Человек переносит антропоморфные, биоморфные и объектные характеристики на окружающий мир, находя общее, частное, отличительное, схожее, что воплощается в различных метафорических и метонимических переносах, которые и порождают культурные смыслы. В. В. Колесов пишет, что «природа – то, что обеспечивает существование рода и является естественной средой его обитания» [2, с. 22]. С одной стороны, природа – первопричина и порождающая сила, с другой – замкнутая система, которая сама по себе и скрывает свои ресурсы. В современной когнитивной науке метафору определяют как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [14, с. 66]. Метафоричность символа обладает лингвокультурологической ценностью и фиксирует скрепы языкового сознания русского этноса. Символ как знак этничности передает информацию, значимую для прародителя и потомка. Символ не менее значим и для современника, потому что позволяет передать информацию, касающуюся вопросов бытия, смысла жизни.

⁶ Дурак. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2: А–З. СПб.-М.: Т-во М. О. Вольф, 1880. С. 516.

Орнитологическая образность макроконцепта *род* воплощается в образах диких и домашних птиц, противопоставленных друг другу: первые ассоциативно связывались с образом свободных, сильных, смелых молодых людей, не обремененных семейными узами, а вторые – с несвободными, семейными людьми, ответственными за род, за предков и потомков. Как часть мифологической картины мира в обрядовой традиции русского этноса птицы связаны с небом, небесными силами рода, природными силами рода как первоосновы, первопричины. Изображение рода в языческих представлениях встречалось в образе летящей птицы, расправленные крылья которой были его олицетворением. Клин птиц символически изображал связи рода: деда, прадеда, прапрадеда, клина, которому нет конца, т.к. он уходит в глубокую древность.

Образ сокола в оппозиции *свое – чужое* символизирует чужое: *Свинья не родит сокола. У свиньи и поросята рыла-сты.* Он преодолевает огромные расстояния, появляется неожиданно, ведет себя агрессивно, воинственно. В сказках образ связан с образом молодого мужчины, воина, сильного представителя рода и продолжателя рода, способного дать роду здоровое потомство. Синонимичны образу сокола образы орла, ястреба, коршуна. В нашем материале образ орла используется в паремии *Орел орла плодит, а сова сову родит. Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла.* Архаичный женский родо-семейный символ сороки представлен в паремии *Сорока от сороки в одно перо родится.* Сорока символизирует зрелую женщину, которой приписывали магические качества (оборотничество, чародейство). Сорокой называли и головной убор женщины, который соответствовал ее возрасту: роды, период после рождения 4–5 детей, период после завершения рекреационного цикла. Убор состоял из 4–5 элементов (кичка, сорока, позатыльник, налобник, платок), которые носили с XII в. женщины разных сословий.

Головной убор *сорока* напоминал образ летящей птицы, но когда головной убор примеряла женщина, то он изображал сидящую птицу со сложенными крыльями. Для родовой принадлежности женщины был важен этот предмет одежды, т.к. он был отличительным знаком, сообщающим другим членам рода знаковую информацию о возрасте женщины. Надо отметить, что в ономастиконе XVI–XVII вв. были наиболее репрезентативны прозвища и фамилии, образованные от слов *сокол* и *сорока*. Исходя из репрезентативности птичьих образов в паремийном фонде, мы можем предположить, что мужчина рода воплощается в образе сокола, а женщина рода – в образе сороки.

В паремии *Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла* представлен образ совы, сложный по лингвокультурологической характеристике. За этим образом закреплены этические качества, нормы поведения во взаимоотношениях членов рода, одного этноса. Этноязыковое сознание

четко фиксирует любые отклонения в поведении членов рода и маркирует их ироническим контекстом, который представлен в фольклорной картине мира. В словаре В. И. Даля *сова* имеет следующее определение: 1) ночная хищная птица; 2) много видов: белая сова (из канюков, полусов), пороша; малая, сыч; большая, лесная, филин и пугач; 3) ученые делят эту семью на сов, сипух, пугачей, неясытей, филинов, сычей, канюк и сиринов; 4) совиные глаза, большие, круглые⁷. Сова – ночной житель, который летает практически бесшумно и появляется неожиданно. Сове приписывались различные качества характера человека. С одной стороны, сова – свирепый, сильный, могущественный хищник, ночной охотник (в этом ее большое преимущество), мудрый (проницательность, ум), а с другой – сова символизирует зло, несчастье, одиночество, вдовство, нечисть.

Домашние птицы близки быту человека, его родному пространству, поэтому в паремийном фонде присутствуют метафорические модели, передающие символические значения поведения домашних птиц. Гусь, курица представлены в анализируемом материале: *И большому гусю не высидеть теленка.* И гусь, и курица имеют в языке сниженные коннотации, потому что существуют стереотипные представления об особенностях поведения курицы, которая связывается с поведением глупой женщины.

Образы животных в символической структуре макроконцепта *род*

Человек сравнивает себя с представителями животного мира, обнаруживая сходства и различия. Значение отрицания возможности изменить в человеке то, что передается по наследству, от предков рода, раскрывается в паремиях: *Волком родился, лисой (овцой) не бывать. Кто волком родился, тому лисой не бывать.* Архаический сюжет о волке-прародителе народа или о воспитании родоначальника племени волком или волчицей часто встречается у народов мира, в особенности у народов Евразии [15]. Волк – очень древний амбивалентный и мифологизированный символ [16; 17]. Волк живет рядом с человеком, и потому люди воспринимают его как злого, кровожадного, ужасного хищника, которому нельзя диктовать свои условия. Волк несет опасность, о которой в колыбельных песнях мама предупреждает младенца, что нужно его остерегаться.

Волк обладал сверхъестественными способностями, так как его относили к миру богов. В славянской мифологии Хлебный Волк – дух плодородия зерна, а Волчий Бог – хозяин леса, Леший, Лесовик, Полисун. Практически все боги ведут происхождение от зооморфных тотемов. Оборотничество – это существование бога и в антропоморфном (человеческом), и зооморфном (зверином) облике. Интересно отметить происхождение верховного славянского бога дохристианской Руси Волоса – Велеса – от Волчьего бога.

⁷ Сова. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–V. СПб.–М.: Т-во М. О. Вольф, 1911. Стлб. 342.

Одни считают, что Волос – имя, восходящее к праиндоевропейскому корнеслову *ulc (в переводе волк). В мифологии балтов, славян «Волчьему богу отводится почетная роль хозяина подземного мира, мира мертвых» [18, с. 97]. Образ Волка тесно связан с мужскими военными братствами многих культур и народов. Волчий вой и появление волка считались воинскими приметами. Г. Б. Бедненко описывает волка как «зверя, связанного с темнотой, подземным миром. В кельтской и германской мифологии встречаются псы преисподней, сопровождающие владыку мертвых. В христианских культурах отображается двойственная природа происхождения волка: создает волка дьявол, а оживляет Бог. Так, похищение и съедание скота волком у славян воспринималось как законная жертва Св. Егорию, лешему или даже Христу. У восточных славян волк был спутником Егория (Георгия Победоносца)» [19].

Амбивалентность образа волка сохраняется и в народных сказках: с одной стороны, дар предвидения, мудрость, свобода, бесстрашие, верность волчице, чистота, гордость, стремительность, а с другой – темная сила. В «Словаре славянской мифологии» Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева в статье о волке находим тому подтверждение: «По народным сказаниям, он является олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. <...> Волком иногда оборачивался, по слову языческой старины, даже сам Перун, появляясь на земле; колдуны и ведьмы старались подражать богу богов славянских» [20, с. 42]. Этому животному приписываются черты беспощадного, жестокого зверя, на основе чего возникла зоометафора *волчий оскал судьбы*, когда судьба испытывает человека на прочность.

А. И. Мазин считает, что «культ медведя проявляется у народов Сибири с неолита вплоть до средневековья. Он отражен в наскальных рисунках на Ангаре, Токко, Мае. Культ медведя зародился в глубокой древности и дожил в запретах, оберегах, поверьях, преданиях и обрядах до наших дней» [21, с. 44]. В паремиях: *Кошка лапкою, медведь пятернюю; Лих медведь, да своих детей не ест* – образ медведя имеет антропоморфные черты. Согласно А. Ф. Анисимову: «Предания о медведе как звере-прародителе той или иной группы людей были широко распространены по всему Северу и Сибири. В преданиях эвенков медведь изображается младшим братом матери» [22, с. 117]. Медведь считался первопрародком человека и наделялся чертами доброго, всемогущего духа, хозяина окружающей природы, выступающего в различных ипостасях [23, с. 228]. О тотемном предке медведе нельзя было загадывать загадки, нельзя было говорить о нем. В паремии *Лих медведь, да своих детей не ест* раскрывается отношение медведя к своему потомству, которое он не тронет, не причинит ему зла.

Образ свиньи раскрывается в паремиях: *Свинья хрю, и поросята хрю. Поросята родом полосаты. От свиньи родится не бобренок, такой же поросёнок. Не дивно, что у свиньи рыло, коли у поросенка свое рыленко. Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла.* В сознании носителей русского языка свинья ассоциируется с нечистоплотностью, неряшливостью, неаккуратностью. Свинья одновременно символизирует нечистое, злое животное, а также удачу, материнство. Содержание домашних свиной формировало у людей стереотипы неопрятности, неаккуратности, обжорства, жадности, лени, которые иносказательно представлены в русских народных сказках. В паремиях образ поросенка ассоциативно связывается с ребенком, который воспринимается как продолжение рода, воплощение черт рода.

Образы осла и козла используются в паремии *Возвысил бог куликов род. Рогом козел, а родом осел.* Божественность осла, мудрость – архаический тип образа. В русской традиции образ осла характеризует человека с отрицательной стороны: глупость, упрямство, ограниченность, твердолобость. Образ козла приобретает отрицательные коннотации из-за того, что обнаруживается связь этого символа с демоническим началом. Образ овцы соотносится с фатальностью и ограниченностью интеллекта.

Образ лошади – символ красоты, силы, мощи, могущества, быстроты, соответственно, эти качества характеризуют и физическую силу человека. По мнению Ф. Ш. Бекмурзаевой, «у некоторых народов в древности лошадь ассоциировалась с источником существования, потому что именно она помогала более всех человеку в добывании пищи, обработке земли, перемещениях» [24, с. 86]. В паремии *С лысиною родился, с лысиною и помрет (жеребёнок)* встречаем образ жеребенка, которому по наследству достанутся отличительные черты рода. Как пишет Р. Н. Анисимов, «жеребенок выступает символическим образом молодости, юности» [25, с. 211].

В паремии *Хвалился лошак родом-племенем* иронически оценивается бесплодность лошака. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера содержит информацию, что конь происходит из *kōpn от древнего *kobpn⁸. Слово *лошадь* заимствовано из тюркского языка, именно оттуда оно пришло в древнерусский, приобретя форму *лоша, а форма *лошак* возникла в связи со сближением со словом *ишак*⁹. Образ лошака указывает на физический недостаток, который не позволяет животному продолжить род. В сравнении с человеком образ лошака раскрывает образ людей, живущих одним днем, не помнящих родства.

Как видим, приведенный анализ паремий доказывает, что в основе метафоры, построенной на сопоставлении человека и животного, лежит стереотипное представление человека о диких и домашних животных.

⁸ Конь. Фасмера М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II: Е–Муж. М.: Прогресс, 1986. С. 316.

⁹ Лошадь. Фасмера М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. II: Е–Муж. С. 525.

Заключение

Когнитивные характеристики макроконцепта *род* актуализируются в паремийных структурах, а отражение этих признаков в национально-культурном фонде лексики свидетельствует о древнем происхождении макроконцепта, сформированности его внутренней структуры, объединенной мотивирующими признаками: бог, родина, природа, народ, судьба. В осмыслении макроконцепта *род* всегда намечается противоборство двух начал: возрождение старого уклада, любопытство по отношению к сложившимся системам устройства рода и перерождение системы ценностей. При этом мы наблюдаем, как макроконцепт *род* сохраняет традиционные компоненты: родители, отец, мать, дети, семья, поколение, племя, народ, природа, родное место. Древний макроконцепт *род* значим для культурного сознания человека и в целом для русской лингвокультуры.

Понимание макроконцепта *род* требует осознания духовного знания рода, а ответственность перед родом, память о нем становится мерилем нравственности представителей рода. Зооморфный культурный контекст репрезентирует содержание макроконцепта *род*, т. к. черты характера человека, поведение, физические недостатки на основе метафорического переноса отображаются в паремиях в образах диких зверей и птиц, домашних животных.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: СПбГУ, 2001. 304 с. [Kolesov V. V. *Ancient Russia: word heritage. Book 2. Good and evil*. St. Petersburg: SPbSU, 2001, 304. (In Russ.)]
2. Колесов В. В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании. *Политическая лингвистика*. 2019. № 2. С. 12–23. [Kolesov V. V. The concepts of Priroda, Rodina and Narod (Nature, Homeland, and The People) in the Russian linguistic consciousness. *Political Linguistics*, 2019, (2): 12–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-02-01>
3. Пименова М. В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре. *Общество, язык и культура XXI века: мат-лы XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29–30 апреля 2021 г.)* СПб.: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46. [Pimenova M. V. Symbolic macroconcept of Rod (genus) in Russian linguoculture. *Society, language, and culture in the XXI century: Proc. XXXVIII Intern. Sci. Online Conf. St. Petersburg-Bishkek, 29–30 Apr 2021*. St. Petersburg: Institute of Foreign Languages; Bishkek: Manas, 2021, 37–46. (In Russ.)] EDN: SPQNZT
4. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с. [Pimenova M. V. *Concepts of the inner world (Russian-English correspondences)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 497. (In Russ.)] EDN: QDQZNV
5. Пименова М. В. Соотношение терминов мифологема и символический макроконцепт. *Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Атырау, 27 апреля 2020 г.)* Атырау: АГУ, 2020. С. 130–133. [Pimenova M. V. Correlation of the terms mythologeme and symbolic macroconcept. *Linguistics and Literary Studies at the Turn of the Millennium: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., 27 Apr 2020*. Atyrau: AGU, 2020, 130–133. (In Russ.)]
6. Пименова М. В., Бакирова А. А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре. *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 1. С. 92–101. [Pimenova M. V., Bakirova A. A. Symbolic macroconcept of the universe in the aspect of the first feature in Russian linguoculture. *Humanitarian Vector*, 2021, 16(1): 92–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с. [Permyakov G. L. *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow: Nauka, 1988, 236. (In Russ.)]
8. Арутюнова Н. Д. Метафора. *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 29. [Aroutiounova N. D. Metaphor. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990, 29. (In Russ.)] EDN: RXSTYX
9. Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах. *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 37–46. [Bochina T. G. Contrast in Tuva proverbs. *New Research of Tuva*, 2022, (1)Ж: 37–46. (In Russ.)] <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
10. Дашиева Д. Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № С. 70–73. [Dashieva D. B. Studying of somatic phraseology in modern russistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (10): 70–73. (In Russ.)] EDN: ZTUDFH
11. Элиаде М. Миф о воссоединении. In: Элиаде М. *Азиатская алхимия*. М.: Янус-К, 1998. С. 273–323. [Eliade M. The myth of reunification. In: Eliade M. *Asian alchemy*. Moscow: Ianus-K, 1998, 273–323. (In Russ.)]

12. Разумкова Н. В. Концепт «дом» как структурная единица поэтической картины мира. *Лингвистика XXI века: традиции и инновации*, отв. ред. М. В. Пименова. (Санкт-Петербург, 21 июня 2019 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2019. Вып. 23. С. 106–111. [Razumkova N. V. Concept "house" as structure element of the poetic picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations*, ed. Pimenova M. V., St. Petersburg, 21 Jun 2019. St. Petersburg: SPbSUE, 2019, iss. 23, 106–111. (In Russ.)] EDN: MRWCDW
13. Гюлев А. С., Курбанов М. М. Особенности сюжетов о «невинно гонимых» героинях в сказочной традиции табасаранцев. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2016. Т. 10. № 4. С. 83–88. [Gyulev A. S., Kurbanov M. M. The features of the plots of "Wrongfully persecuted" heroines in the Tabasarans' fairy tradition. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 2016, 10(4): 83–88. (In Russ.)] EDN: YFNFLB
14. Мошина Е. А., Бакирова А. А., Бекмурзаева Ф. Ш. Реализация антропоморфного кода в структуре ландшафтного, анималистического и космического концептов в русской лингвокультуре. *Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований*, отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. Вып. 16. С. 64–71. [Moshina E. A., Bakirova A. A., Bekmurzaeva F. Sh. Implementation of anthropomorphic code in the structures of landscape, animalistic and cosmic concepts in Russian linguistic culture. *Linguocultural aspects of conceptual research*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2018, iss. 16, 64–71. (In Russ.)] EDN: KWRUTK
15. Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. *Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1974*, ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука / Интерпериодика, 1975. С. 438–458. [Negmatov P. N., Sokolovsky V. M. The Capitoline lupa in Tajikistan and legends of Eurasia. *Monuments of culture. New Discoveries: yearbook 1974*, ed. Likhachev D. S. Moscow: Nauka / Interperiodika, 1975, 438–458. (In Russ.)] EDN: VQNHVL
16. Иванов В. В. Древнебалканский и общиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели. *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста*, сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 181–213. [Ivanov V. V. Old Balkan and common Indo-European text of the myth about the Hero That Killed The Dog and Eurasian parallels. *Slavic and Balkan Linguistics. Carpatho-East Slavic parallels: the structure of the Balkan text*, comps. and eds. Sudnik T. M., Tsviyvan T. V. Moscow: Nauka, 1977, 181–213. (In Russ.)] EDN: WVFZER
17. Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1975. Т. 34. № 5. С. 385–422. [Ivanov V. V. Reconstruction of Indo-European words and texts reflecting the cult of the wolf. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 1975, 34(5): 385–422. (In Russ.)]
18. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, 1999. 310 с. [Nikolaeva N. A., Safronov V. A. *The origins of Slavic and Eurasian mythology*. Moscow: Belyi volk, 1999, 310. (In Russ.)]
19. Бедненко Г. Б. Образ Волка у индоевропейцев. [Bednenko G. B. The image of the wolf among the Indo-Europeans. (In Russ.)] URL: <http://ec-dejavu.ru/w/Wolf.html> (дата обращения: 02.07.2022).
20. Грушко Е. А., Медведева Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Рус. купец; Братья славяне, 1995. 367 с. [Grushko E. A., Medvedeva Yu. M. *Dictionary of Slavic mythology*. Nizhny Novgorod: Rus. kupets; Bratia slaviane, 1995, 367. (In Russ.)]
21. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – нач. XX в). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 201 с. [Mazin A. I. *Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons in late XIX – early XX centuries*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1984, 201. (In Russ.)]
22. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: АН СССР, 1958. 238 с. [Anisimov A. F. *The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin of primitive beliefs*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1958, 238. (In Russ.)]
23. Кузьмина Р. П. Концепт «медведь» в языковой картине мира эвенков. *Филология: научные исследования*. 2019. № 2. С. 223–231. [Kuzmina R. P. The "bear" concept in Evens' world view. *Philology: scientific research*, 2019, (2): 223–231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.2.29935>
24. Бекмурзаева Ф. Ш. Смысловая наполненность концептов лошадь / конь и horse на примере концептуального признака «военный». *Язык как зеркало культуры*, ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 83–86. [Bekmurzaeva F. Sh. Semantic content of the concepts *loshad'* / *kon'* and *horse* on the example of the conceptual sign "military". *Language as a mirror of culture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2019, 83–86. (In Russ.)] EDN: DZSJBS
25. Анисимов Р. Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека. *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 4. С. 203–218. [Anisimov R. N. Zoomorphic components in Yakut phraseological units describing a human. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2016, (4): 203–218. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/57/18>